

ПОЛЁТ НАД ГНЕЗДОМ ОРКЕСТРА

Что бы мы, мужики, ни говорили, а женщине спеты не все гимны. К примеру, гимны её отчаянной смелости и выдержке. Выражение такое есть: «собачья выдержка». Ну и что? Кто ж не знает, что в этом деле собаке до женщины как до Луны? У собаки всякое терпенье

лопнет, выдержка треснет, скулёж на всю округу подымет. Женское ж терпенье – кремень! Ни вдоха тебе, ни оха, ни писка жалобного!

А возьмите смелость женскую – ту самую, отчаянную. Николай-то Некрасов не с бухты-барухты на все века возвестил: коня, мол, на скаку остановит, в горящую избу, дескать, войдёт. Не иначе, сам видел. Стоял в сторонке и обмирал со страху: а ну как не выйдет голубушка из избы-то горящей! А ну как под копытами гробанётся, отчаюга этакая!

Про терпенье и выдержку женскую я случай знаю. Давненько было, а вот помню, и до сей поры диву даюся: это ж надо!..

Редко такое случалось – со всего просторного северного края созвали башковитый народ на слёт изобретателей и рационализаторов. Такому редкому событию не пожалели отдать театральное залище с высоченным потолком, с оркестровой ямой, со сценой, по которой не то что на велосипеде – на мотоцикле можно выражи закладывать. Только сейчас на всю ширину сцены вытянулся крытый красным сукном стол для президиума. Оркестровую же яму загодя накрыли брезентом размером чуть ли не с волейбольную площадку. Дескать, опер и прочих ораторий не ждите, делом занимайтесь, товарищи новаторы и прочие выдумщики. Брезент натянут вровень с полом, да так гладко, что и правда хочется по нему на мотоцикле газануть вдоль красного сукна. Либо в волейбол сыграть.

Зал полнёхонек. Гул не смолкает – улей пчелиный, мёдом только не пахнет. Народ меж собой мыслями глубинными обменивается. Даже воздух загустел от передовых технических идей и хитроумных находок.

Однако настала означенная в повестке минута – пора начинать. Всё внимание на сцену. А на сцену никто не поднимается. Трибуна без ораторов скучает. И минута прошла, и пять минули. В гуле голосов угадываются недовольные нотки. Вот уж десять минут...

– Ну, знаете, это полное ку-ку, – усмехнулся пожилой новатор, сидящий слева от меня.

Острословы местного значения начинают невоздержанно упражняться в юморе и сатире в адрес организаторов. Они, мол, либо в бега ударились, либо там, у них повальная диарея приключилась. Сами острят, сами смеются.

Наконец, из-за кулис вынырнуло лицо. Такие лица носят профсоюзные работники среднего ранга. Резво подойдя к микрофону, профработник с деловитой строгостью возвестил: – Товарищи! Республиканский слёт изобретателей и рационализаторов считается открытым!

Почтительно переждав положенные аплодисменты, человек у микрофона с прежней строгостью продолжил:

– Слово для оглашения списка предлагаемых членов президиума предоставляется...

Тут он стал растерянно вертеть в руках листок, зашарил в карманах пиджака. Где она, фамилия-то?.. Вспомнил:

– Товарищу Полетаевой.

Тут же в зале, в боковом проходе раздались звучные, решительные шаги. Нет, конечно, не Командор. Вдоль рядов кресел шла она, товарищ Полетаева – солидного вида, сказать даже, вместительная женщина в строгом деловом костюме небесного цвета, который

бывает ближе к закату. С достоинством, которое невозможно копировать, а надо с ним родиться, товарищ Полетаева несла украшенную причёской голову, и причёска эта неумовимо смахивала на корону. Возможности не проникнуться не было. И притихший зал проникся. Возможно, даже вспомнил строку того же Николая нашего Некрасова про то, что как посмотрит, мол, так рублём подарит. Технари, эти чёрствые новаторы, погрязшие в железяках, ели глазами гордо шагавшую женщину, и сердца их выстукивали мелодию в ритме её звучных каблуков.

Рублём товарищ Полетаева никого не подарила. Прямая и, по всему видать, несгибаемая, она чётко отсчитала ступеньки, шагнула на сцену и...

Случилось страшно! Женщина исчезла, махнув на прощанье рукой! Была – и нет её! Зал обмер, некрасиво растворив рты. Сердца новаторов сбились с ритма.

Она... О, Господи!.. Гордо поднятая голова помешала ей увидеть предательски гладко натянутый брезент! Товарищ Полетаева ступила на него, и... кошмар!.. провалилась в оркестровую яму. Из неё, из этой коварной ловушки стал доноситься грохот. Похоже, несгибаемая женщина расшвыривала стулья, на которые совершила незапланированную посадку.

От этого грохота зал очнулся. И... взорвался непозволительным хохотом. Хохотал даже солидный новатор слева от меня, повторяя:

– Ну, полное ку-ку!

Это же бесчувственно! Как можно хохотать?! Это безнравственно! Это просто аморально! Бедная женщина! Что стало с ней в этом оркестровом гнезде, захламлённом дурацкими стульями? Как можно ржать над конфузом этой женщины, исполненной, прямо сказать, былинного достоинства?!

Думается, однако, что наторевшие в точных расчётах новаторы решили: если женщина так энергично расшвыривает стулья, то плохо не ей. Плохо стульям, подвернувшимся под горячую руку. А если так, то хохот – это вовсе не осмеяние. Это скорее полновесная замена бурным, продолжительным овациям. Это хвала женщине, которая, улетев в тартарары, не вскрикнула, не взвизгнула, как подобает прекрасному сословию, даже не охнула, а чисто по-женски махнула рукой залу, набитому мужиками. Вспомним некрасовскую героиню. Ведь и она, ворвавшись в горящую избу, не взвизгнула, не заголосила благим матом! Она не заперещала, вцепившись в поводья коня, ударившегося в сумасшедший галоп.

– Это же полное ку-ку!

– А что такое полное ку-ку? – сквозь смех спросил я соседа слева.

– Это, брат, когда даже квакать бесполезно!

Овации, то бишь хохот, и впрямь был продолжительным. Профработник уже дважды выходил на сцену взывать к благоразумию зала. Он даже гулко стучал согнутым пальцем по микрофону. Подействовало только с третьего захода – смех пошёл на убыль.

В тишине, ещё зыбкой, неуверенной, раздались звучные, решительные шаги.

Да, это была она – солидная, вместительная, небесного цвета, с прежним достоинством нёсшая по тому же боковому проходу слегка изменившуюся причёску, похожую если не на

корону, то уж точно на диадему. И всякому стало понятно, что в мире нет такой оркестровой ямы, которая могла бы остановить эту несгибаемую женщину на пути к трибуне.

В задних рядах кто-то несдержанно пискнул, и по этому нечаянному сигналу зал взревел с новой силой. Под этот рёв товарищ Полетаева невозмутимо поднялась на сцену, даже не удостоив взглядом коварное гнездо оркестра. Подойдя к трибуне, она положила перед собой листок и, строго глядя в зал, стала терпеливо ждать, когда утихнет это беснующееся море.

Море выдохлось. Не дожидаясь полного штиля, женщина стала ровным, спокойным голосом называть тех, кому надлежало целый день сидеть в президиуме и скучно лупиться в зал.

– Маркелов! – неслось с трибуны. – Никифоров!..

– О-о! Это ж полное ку-ку! – недовольно протянул сосед. – Всю жизнь мечтал.

– Не горюй, Семёныч! – утешили его с заднего ряда. – Главное – пролететь над гнездом оркестра. Без посадки!

ОКО НА ЛАДОНИ

Тому случаю уж сорок с лишним лет, а око нет-нет да всплывёт в памяти. Оно либо висит в воздухе само по себе, либо лежит на полу под столом. И смотрит на меня. Неотрывно, пытливо смотрит, словно ждёт от меня какого-то признания. Прямо душу наизнанку выворачивает глаз этот немигающий.

«Сто раз тебе объяснял, и снова скажу: не виноват я! – в сердцах говорю ему. Про себя говорю, нутряным как бы голосом. – Не я дурацкие традиции выдумываю. Если хочешь знать, я за всю жизнь ни одной традиции не придумал. Так что прощай и больше не являйся».

Око нехотя таяло в воздухе, растворялось, а я начинал ломать голову: чего, спрашивается, пристал ко мне? Чертовщина какая-то, блажь навязчивая. Вычеркнуть из памяти – и вся недолга. А то выходит, что я сам с собой дурака валяю.

Хорошо это или плохо, но мне кажется, что стоит рассказать о том давнем случае. Для этого надо вернуться в то время, когда великая наша держава была искренне заражена идеей борьбы за счастье всех людей на планете.

Журналистские пути-дороги привели меня, молодого, лёгкого на подъём, в казахстанские степи, где во всю возможную ширь развернулась целинная эпопея. Быстроногие сайгаки, джейраны вовремя чесанули подальше от этой страсти. Труднее было сусликам, суркам-байбакам и прочим тушканчикам.

Путь мой лежал в глубину обширного казахстанского мелкосопочника, в уделы знаменитого совхоза, в котором директорствовал пожилой мужик с редкостной крестьянской хваткой. И надои у него, и привесы, зерновые да корнеплоды – всё выше всяких похвал. На скотном дворе содержался живой символ совхоза – бык по имени Апрель. Весу в нём больше тонны. Спина у этого быка такая просторная, что ложишься на неё загорать – не сверзишься. При этой своей могущественности Апрель спокоен до состояния флегматика. А кольцо в носу всё же имеет. На вопрос «зачем», зоотехник Аношкин, длинный, как жердь, отвечал философски:

– Жизнь, она ведь не только у людей непредсказуема, у быка тоже, знаете ли, будь здоров. Положим, случись Апрелью мозгами пошатнуться – всё вокруг в щепки разнесёт. А кольцо в носу и его, и нас бережёт.

Заполнил я свой блокнот цифирью со словесами разными. Пора назад двигать. Но тут прикатила чёрная партийная «Волга». Выпрастывается из неё шофёр, парень важный. Ему на меня показывают. Подходит: так и так, товарищ первый секретарь райкома Атабай Атабекович просит в гости.

– Не могу, – отвечаю, – пора мне возвращаться.

– Плохо, – качает головой райкомовский шофёр. – Очень плохо.

– Почему плохо, да ещё очень?

– Обидится товарищ Атабай Атабекович. А это очень плохо.

Тут в разговор встревает глубокомысленный зоотехник Анюшкин:

– Сказать по чести, Жамбыл прав: тут вариантов нет. Советую почтить первого секретаря. Это всегда способствует.

Я никогда не умел перечить философам, поэтому махнул рукой:

– Ладно, Жамбыл, поехали в гости к товарищу...

– Атабаю Атабековичу.

– Ничего, по дороге выучу.

Поспели akurat к началу мероприятия, которое проходило в столовой районного значения. Уже расселась за бесконечным столом районная знать, уже нацелились в бесконечность расчехлённые коньячные дула, а возбуждённый Атабай Атабекович озглавил застолье подведением итогов борьбы за что-то очень важное для района. За это почтенное собрание успело хряпнуть по рюмке пятизвёздочного.

Меня усадили рядом с молодым человеком, который оказался старше меня лет на пять.

– Алексей, – представился он. – Это ты из областной газеты? А я из управления сельского хозяйства.

Сбоку от нас зашушукались:

– Атабай Атабекович знак подал. Сейчас Махамбет вынесет! Смотрите!

Дверь из кухни медленно открылась. На пороге стоял некто. Я невольно вздрогнул. Некто держал на уровне своих плеч огромный поднос с жареной бараньей головой, которая тарасилась на публику двумя сердитыми глазами. Получалось, что эта голова сидит на плечах человека. Зрелище, скажу вам, для обладателей надёжных нервов.

– Коронный номер уважаемого Махамбета, – крикнул кто-то, и грянули аплодисменты.

Плотный, крепко сбитый повар поставил поднос перед хозяином торжества.

– Молодец, Махамбет! – вскричал возбуждённый товарищ Атабай Атабекович. – Никто во всей республике не умеет так жарить баранью голову! Это наш, районный секрет. Махамбет даже мне, первому секретарю райкома не говорит этот важный секрет. И правильно делает, товарищи!

Гром аплодисментов! Растроганный Махамбет кланялся, прижимая руку к сердцу.

– Сейчас начнётся! – шепнул Алексей из управления. – Будь спокоен, как тумбочка.

Кланяющийся Махамбет задом открыл дверь и исчез в кухне.

– Природа, товарищи, лучше нас знает арифметику! – возвестил Атабай Атабекович, возбуждение которого всё усиливалось. – У барана два глаза! У нас, за этим скромным столом, два почётных гостя из области. Поприветствуем их!

– Встаём, – шепнул Алексей из управления.

Мы встали под аплодисменты и раскланялись на оба конца стола.

– Мы уважаем старинные традиции, – продолжал Атабай Атабекович. – Глаза барана – угощение для почётных гостей.

Он протянул назад ладонь, и некто вложил в неё огромный кухонный нож. С ловкостью фокусника хозяин застолья извлек из головы глаз и, держа его на ладони, двинулся к нам.

– Положено открывать рот, – с грустью шепнул Алексей из управления.

– Это вам, уважаемый Алексей Иванович, за то, что вы любите наш знаменитый район!

С этими словами Атабай Атабекович вложил глаз в открытый рот Алексея. Видя, чего стоило ему проглотить бараний глаз, я подумал, что так у меня ни за что не получится, и конфуз будет обеспечен.

Блеснул нож, и на на ладони второй глаз. Эта ладонь надвигается на меня неотвратимо, как судьба! И уважаемый Атабай Атабекович говорит о том, что я, выдающийся журналист, тоже люблю этот знаменитый район! Что делать?

Видя, что мой рот закрыт, товарищ первый секретарь с недоумением замер надо мной.

– Можно сначала подержать его в руке? – робко спросил я.

Пауза. Сбой ритуала.

– Желание гостя – закон для хозяина! – твёрдо изрёк хозяин, и глаз лёг в мою ладонь.

Публика с любопытством смотрела на меня. Я с подлой улыбкой обвёл взглядом обитателей стола, открыл рот и вложил в него это всевидящее баранье око. Стол заоплодировал!

– Молодец! – наклонился ко мне Алексей из управления. – Мне первый раз тоже трудно было.

Благодарно кивая в ответ на аплодисменты, я опустил руку под стол, и бараний глаз из рукава пиджака шлёпнулся на пол. Он смотрел на меня оттуда, как мне показалось, с ненавистью, даже с отвращением.

Тем временем хозяин отхватывал ножом ломтики от жареной головы и одаривал их гостям – строго по ранжиру, по заслугам.

А глаз всё пялился на меня. Носком ботинка я пытался отфутболить его дальше, но глаз переворачивался и продолжал жечь меня взглядом.

Не выдержав, я встал и подошел к хозяину.

– Атабай Атабекович, должен просить у вас прощения – мой поезд через пятьдесят минут.

– Жамбыл отвезёт вас. Счастливого пути!

Вот и вся история. С тех пор, когда я слышу о новой традиции, всегда спрашиваю:

– А глотать ничего не надо?